

Кирилл Куталов

РАДИО «БАВИЛОН»

Короткая
проза

Кирилл Куталов

Радио «Вавилон»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11314172

ISBN 978-5-4474-1843-4

Аннотация

Герои сборника короткой прозы – обычные люди, оказавшиеся в необычной ситуации, между двух миров. Столичный офис и виртуальное пространство компьютерной игры, современная квартира и призраки сталинских лагерей, французское захолустье и бывшая столица бывшей колонии Советской империи. В этом раздвоенном мире героям предстоит пережить ряд неожиданных трансформаций. Рассказы, вошедшие в сборник, написаны в 2014–2015 годах.

Содержание

Проходка	5
Радио «Вавилон»	8
Босс-файт	23
Shitstorm	31
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Радио «Вавилон»

Короткая проза

Кирилл Куталов

Некоторым людям

© Кирилл Куталов, 2015

Корректор Ксения Ложкина

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Проходка

Давно их не было. Несколько лет не видел, а недавно снова появились. В метро стоят у входа. Как подходишь к автомату, чтобы на карту денег закинуть, подсказывают: вам одну проходку или две? У нас дешевле, мы сдачу дадим. Берете?

Я обычно отмахиваюсь: не нужна, все есть. Сам-то я редко в метро, когда на автобус опаздываю только.

Особенно раздражает, как они бормочут: «Проходка, проходка, проходка» – тихо так, чтобы только ты слышал, и губами шевелят еле-еле.

Вчера тоже: стою возле ящика, достаю стольник – карта у меня закончилась. А поздно уже, я пока с работы вышел, пока с парнями пива попили, так и стемнело. И тут справа подходит. Я головы не поворачиваю, но краем глаза вижу: странный какой-то. В костюме, в белой рубашке, бледный, черноволосый и типа весь выжатый, как если человек сильно пьет. Постоял и спрашивает: «Проходка нужна?» А у меня настроение хорошее, я и говорю: «Куда проходка-то?» Думаю, сейчас пошучу. А он отвечает: «Вглубь Земли». «Внутрь, – говорит, – к сердцу тьмы, где Князь Мира восседает на черном троне своем, где чернокнижники присягают ему на служение и блудницы целуют под хвост черного козла. В районе Охотного и Кропоткинской. Желаете? Сорок рублей, сдачу дам с полтинника, обзорная экскурсия, без очереди проведу.

Незабываемые виды, редчайшие сцены».

– Сорок рублей всего? – спрашиваю.

– Сорок, – говорит. – По выходным за тридцать вожу. Хотите?

Но я уже сотку в ящик закинул. Не пропадать же деньгам. Да и ехать мне было не в центр совсем, а на Щелковскую, домой к себе. Поздно уже, завтра на работу. Я на конвейере работаю, на линии сборки. Покупки собираем, заказы. Едет лента, на ней коробки стоят, все одинаковые. Ко мне когда коробка подъезжает, мне конвейер подает сигнал, из какого ящика чего брать. Лампочка загорается зеленая. Я сам-то не знаю, что там – тоже коробки, только поменьше. Беру из ящика, кладу в коробку на ленте, коробка отъезжает. Потом следующая подъезжает, опять сигнал поступает, лампочка зеленая горит. Когда красная горит, значит, брать из ящика нельзя. Только зеленая когда. Обед полчаса, потом вечером с парнями по пиву, душ там есть. Утром автобус от дома, а если проспал, то на метро, но я редко. Какая экскурсия? Третьего дня один с ночной смены руки лишился – то ли засмотрелся, то ли заснул, оторвало ему руку-то. Ну она в коробку и упала и дальше поехала по конвейеру, а он за ней бежит. Из него кровища хлещет, а он за рукой бежит, только куда ему против машины, так и уехала в следующий цех, а там уже упаковка и не найдешь, где она была, рука-то. Вот кому-то повезет, кто посылку получит. Нет, говорю ему, не надо, все есть. Спать уже пора. Сажусь в вагон, еду и ду-

маю: целуют под хвост черного козла. Блудницы. Надо же, как бывает.

Радио «Вавилон»

В конце осени Николай снял однокомнатную квартиру с роскошным видом на парк.

Это была отличная квартира, идеальная для одного. Чистая, светлая, с высокими потолками, в старом, похожем на огромный куб доме, с простенькой, но все же лепниной, с люстрой, как на станции метро «Площадь Революции». «Ранний Сталин, – сказал хозяин, сам из бывших сотрудников. – Зеки строили».

Бывшие сотрудники, а также их жены, вдовы и дети составляли большинство жителей того района, куда переехал жить Николай. Ведомственные палатки занимали несколько кварталов, и, когда Николай впервые услышал голос, он не придавал этому особого значения. Подумал: просто радио, какая-нибудь экзотическая говорящая станция, без музыки, возможно, проводная, – в квартире его родителей тоже висел такой приемник, правда, не работавший. Почему бы полковничьим вдовам и генеральским дочерям не слушать такую штуку по вечерам?

Поздним вечером пятницы Николай возвращался домой с пакетом, в котором о банку с консервированными патиссонами позвякивали 0,75 в зеленом стекле. Он подошел к подъезду, достал ключи, вложил в отверстие замка длинный пластиковый цилиндр с магнитными вставками и повер-

нул, чтобы магнетики в цилиндре совпали со своими парами внутри замка. Но то ли повернул слишком резко, то ли вышел ключу срок, только он тихо хрустнул, переломился, и в руках Николая оказался бесполезный кусок пластмассы, а дверь осталась запертой.

Он постоял, повертел обломок, посмотрел на часы – половина первого ночи. Вариантов было немного, например позвонить в соседнюю квартиру, хотя за то недолгое время, что он там жил, Николай ни с кем не успел познакомиться. Замок на двери подъезда был причудливой архаичной конструкции – нужно было, поворачивая три диска с цифрами, установить номер квартиры, а затем нажать на маленькую красную кнопку посередине. Когда диски начинали вращать, вся конструкция светилась приятным желтым светом. Николай набрал номер квартиры напротив своей и нажал на кнопку. Ничего не услышал. Он уже собрался было повернуть крайний правый диск и позвонить в следующую квартиру, когда сквозь помехи прорезался он.

Голос.

Даже два.

Два мужских голоса обсуждали что-то. Вдумчиво, размеренно, медленно. О чем они говорили, Николай не мог разобрать. Он почему-то подумал, что обсуждают политику, – он помнил похожие радиопередачи по началу девяностых.

– Алло, алло! – прокричал Николай в решетчатое окошко, за которым прятался микрофон. – Это Коля, ваш сосед.

Откройте, пожалуйста, я ключ сломал, не могу войти. Я из двести тридцатой.

Мужчины продолжали свою неразборчивую беседу, где-то совсем далеко чуть слышно лаяла собака.

– Алло? – менее уверенно произнес Николай, но на том конце ничего не изменилось.

Два голоса продолжали обсуждать неведомые события. Сухо, скучно, без эмоций, как будто пережевывали реальность фонема за фонемой, и по-прежнему было не разобрать ни слова.

Через сорок минут из подъезда вышел дядька с ротвейлером, и вскоре Николай уже хрустел у себя на кухне маринованными патиссонами.

На следующий день в киоске у метро Николаю сделали новый ключ, алюминиевый, и некоторое время Николай не слышал голос, а голос не говорил с ним. Это продолжалось месяца два.

Через два месяца Николай пригласил в гости знакомую. Он уже открыл бутылку вина, когда знакомая, выйдя на кухню покурить, вернулась с неожиданным вопросом.

– Слушай, а это радио у тебя там?

У Николая не было радио.

– Не пойму, откуда голоса. Можешь выключить?

Николай прислушался. Потом пошел на кухню и закрыл окно. В кухне сразу стало очень тихо, как будто уши ватой забили, и в этой ватной тишине Николай снова слышал го-

лоса. Те же самые, что и в переговорном устройстве замка, – двое мужчин обсуждали что-то невыносимо скучное, и по-прежнему было не разобрать слов.

– Это? А, ну это радио, да, – ответил Николай, наливая вино. – Радио «Вавилон».

После того случая Николай слышал голос почти постоянно. Голос звучал тише к утру и по выходным, сливаясь с жужжанием мухи, но каждый вечер буднего дня, стоило ему зайти на кухню, Николай слышал неразборчивую беседу. Иногда где-то вдали лаяла собака, а однажды он услышал несколько выстрелов, тоже очень далеких и не громче сухого щелчка авторучки.

Затем голос переместился из кухни в комнату. Иногда их было два, но чаще один, он что-то доказывал, при этом то и дело срывался на далекий крик. Николай пытался представить себе обладателя этого голоса. По всему выходило, что это крупный мужчина с лишним весом, пожилой, не вполне здоровый, – голос был раздраженный, недобрый, его владелец явно хотел подавить своего собеседника, продемонстрировать превосходство. Не самый приятный был голос.

Однажды утром Николай проснулся, выпил кофе, съел бутерброд, оделся и отправился по делам. На лестничной площадке стоял тяжелый запах. Он лип к одежде и волосам, его хотелось счистить с себя щеткой, смыть хлоркой, а затем полить себя одеколоном. Николая чуть не стошнило в лифте.

Причину запаха Николай понял только вечером. На лест-

ничной площадке было человек пятнадцать – из них пятеро в полицейской форме, двое в синих спецовках. От запаха остался только след, хотя и крайне неприятный, а дверь в квартиру напротив была открыта. Один из мужчин в штатском быстро и по-медицински ловко осмотрел Николая с ног до головы, заглянул в глаза и на этом счел бесполезным для себя.

У себя в квартире Николай достал из холодильника остатки пирога с сыром, налил чаю, открыл ноутбук. И услышал голос.

В этот раз голос звучал достаточно отчетливо, чтобы Николай смог разобрать отдельные слова. Как будто кто-то громко говорил по телефону в соседней квартире, и мощные кирпичные стены уже не могли полностью заглушить разговор. Застыв с куском пирога в руке, Николай слышал:

– Под доской... В гостиной... Когда уйдут... Будет открыто...

Кроме этих слов голос произносил еще какие-то, но их Николай уже не мог разобрать. Он отложил пирог и прижался ухом к стене. Где-то внутри кирпичной плоти бывшего ведомственного дома тихо, но отчетливо говорил человек – нездоровый, пожилой, с лишним весом.

– Еще раз тебе говорю, дурню. Сегодня вечером, когда менты уйдут, пойдешь в квартиру напротив. Зайдешь в гостиную. Там под доской, возле окна, в левом углу. Доску

узнаешь – она приметная. Дверь будет открыта. Не спорь со мной, я лучше тебя знаю! – на этих словах голос сорвался на крик.

– Вот бля, – прошептал Николай.

– Дурень, для тебя же стараюсь! – еле слышно прорычал в кирпичной дали голос и умолк.

Было глубоко за полночь, когда на цыпочках, крадучись, он вышел из своей квартиры и подошел к двери напротив. Постоял, прислушиваясь, потом нажал на ручку – дверь поддалась, приоткрыл ее и протиснулся в темноту. Включил предусмотрительно взятый фонарик, нащупал лучом дверь в гостиную – самую большую, двустворчатую, – вошел. У стены в луче фонаря на полу темнело небольшое пятно – скорее всего, труп лежал на кровати, но полу тоже досталось, хоть и несильно. Запаха почти не чувствовалось.

Он опустился на колени в дальнем углу комнаты возле окна. Одна из досок паркета была немного темнее остальных, он загнал под нее отвертку, нажал и еле успел увернуться – доска отскочила в сантиметре ото лба. Николай посветил: под доской лежала небольшая коробочка из-под зубного порошка, жестяная, голубого цвета, отец Николая хранил в такой рыболовные крючки и грузила. На коробочке было написано «С добрым утром!» и нарисованы часы, показывавшие семь.

Николай поставил доску на место и вышел из квартиры с коробочкой в кармане. Увесистая, она издавала звук, будто

набита мелкой галькой.

Закрыв дверь, сел на пол. Потянул за крышку. Коробочка упрямылась, затем поддалась с тихим скрежетом, и через мгновение Николай, зажимая рот рукой, побежал в туалет, где его вырвало. Коробочка из-под зубного порошка была доверху полна золотыми коронками.

Свою первую добычу, а также отвертку и фонарь Николай той же ночью утопил в реке.

Голоса молчали два дня. Николай вздрагивал при каждом шорохе на лестничной клетке. Боялся, что придут, прознав о ночном походе. На третий день голоса заговорили снова – неразборчиво, настолько, что даже не было понятно, сколько их, один или два. Николай свернул из листа бумаги конус и приложил к стене. Там продолжали беседу, и, судя по всему, их обладатели располагались в квартире сбоку от той, где жил Николай.

Он взял конус и вышел на лестничную площадку. На цыпочках подобрался к двери подозрительной квартиры, приставил конус к темно-коричневой обивке двери. Объемный шум чужой жизни. Детский голос, женский голос, быстрые шаги, клцанье собачьих когтей по паркету, но ничего похожего на голоса. Николай вернулся к себе и приложил конус к другой стене – снова далекое бормотание, снова не разобрать

ни слова. Он послушал следующую стену – то же самое. Голоса как будто были повсюду вокруг него, за каждой стеной.

– Они наверху! – догадался Николай. Достал с антресолей пыльную и скрипучую стремянку, разложил и полез под потолок. Ничего нового. В бумажном конусе – все то же бормотание. Ничуть не громче, ничуть не тише. И по-прежнему ни слова не разобрать.

– Да кто вы такие... – прошептал Николай, и тут же со всех сторон, сверху, снизу, мощно, раскатисто, как будто кто-то могучий и басовитый стоял за спиной, раздалось на всю комнату и на всю его черепную коробку.

– КИРПИЧИ, БЛЯДЬ!

Николай дернулся, оборачиваясь, уже падая со стремянки, никого позади себя не увидел, а затем приземлился головой на паркетный пол и затих.

Он лежал на полу однокомнатной квартиры в бывшем ведомственном доме без сознания, в глубокой отключке, и видел: перед его закрытыми и повернутыми внутрь себя глазами находилась гигантская земляная воронка, в центре которой был котлован. Вокруг котлована происходило движение сотен и тысяч серых людей. Люди были одеты в одинаковую одежду – серые ватники с номерами на груди. Люди шли колоннами, ссутулив плечи, шаркая ногами, шли вдоль стен воронки, сужая круги, и, по мере того как они опускались все ниже, стены воронки делались круче и люди соскальзывали вниз. Котлован постепенно наполнялся серой

массой, эта масса больше всего напоминала бетонную смесь, в ней всплывали и лопались пузыри, масса поднималась и поднималась, а люди шли и шли, их не становилось меньше, как будто огромная сила затягивала их в эту воронку. Серая масса поднималась, набухала пузырящимся комом, который постепенно принимал очертания гигантского куба, куб рос, твердел, на глазах превращаясь в дом, а люди все шли и падали вниз, в основание и на дно воронки. А потом все закончилось. Не стало никакой воронки – остался только гигантский куб дома с окнами на парк, и там, внутри, в одной из квартир лежал на полу, раскидав свастикой ноги и руки, Николай.

– Так значит вы это... зеки, да? – через полтора часа Николай уже сидел на полу и разговаривал со стенами.

Голос звучал разборчиво, по крайней мере, Николай понимал большую часть слов. Но легче ему от этого не стало, потому что говорил голос странное. Со стороны могло показаться, что Николай подслушивает телефонный разговор в соседней квартире и вставляет в паузах свои реплики, чтобы получалась видимость диалога. Абсурдного и нелепого.

– Так нельзя ставить вопрос! – громыхал в отдалении голос. – Ты не можешь требовать от него ответа «да» или «нет». Это серьезный человек, он такое видел, что ты за всю жизнь не увидишь, имей уважение!

– Хорошо, я вас понял, понял, – торопливо согласился

Николай. – Но откуда вы узнали про коробку?

– Это наша собственность, конечно же, у нас вся документация на нее есть! – кричал голос. – Техпаспорт, все справки, да там бумаг шесть томов. А вот как ты с ней поступил – это растрата, раньше бы тебя за такое в лагерь отправили.

– А что мне было делать? Я в чужую квартиру пробрался, там человек умер, в подъезде ментов было с десятков, а я покойника обокрал, а там еще эти коронки! Я вообще мог с ума сойти!

– Нет, ты послушай, что учудил! Собрал золотишко, часы, там, цепочки какие-то, откуда взял – ума не приложу, все это в жестяной ящик, маслом все обмазал и закопал у себя. Ну там, под бетонной вазой, которая ближе к фонтану. Конечно, знаю! Там на два штыка и камень сверху положил. Боялся... конфискация... ну и помер...

Голос снова стал стихать. Николай схватил с пола бумажный конус и прижал к ближайшей стене. Так он сумел разобрать последние слова, за которыми последовало привычное полусонное бормотание.

– В парке... где библиотека... над рекой...

Новую экспедицию Николай тщательно подготовил. Днем провел разведку местности, нашел бетонную вазу и камень возле нее, затем пришел в парк ночью – проверить, есть ли охрана. Охраны не было, и уже на следующую ночь, вооруженный стальной лопатой, Николай отправился на дело.

Все прошло легко – используя лопату как рычаг, он сдвинул камень, копнул на два штыка и ударил в гулкое. Коробка была размером с пачку сахара, местами почти насквозь проржавевшая, но все еще целая, довольно увесистая. Кое-как забросав землей яму, Николай самой длинной и путаной дорогой вышел из парка и направился домой, утопив лопату в реке.

В жизни Николая началась счастливая пора. Все происходило в прежнем режиме – где-то вроде бы за стеной, а на самом деле в глубине кирпичной кладки рождался голос, который, как в невидимый телефон с того света, давал указания, спорил, ругался и проклинал. Николай учился слушать и понимать.

Он выкапывал последнее, что прятали враги народа, японские и английские шпионы, растратчики и вредители. Сокровища были пропитаны страхом и ненавистью так же обильно, как тряпки, в которые их заворачивали, – маслом. Голоса в толще кирпичных стен – так Николай решил для себя – и были голосами этих несчастных, и то, что говорили они только о своих схронах, означало, по мнению Николая, что они и умирали с этой мыслью, проваливаясь, как в его видении, в котлован в центре огромной серой воронки.

А сам Николай богател. Быстро, по-настоящему, одним ударом. Он закладывал золото и драгоценности в десятках ломбардов, продавал частным скупщикам, иногда по бросо-

вым ценам, но поток сокровищ был фантастически обилен.

Через пару месяцев Николай ушел с работы и занимался только тем, что по ночам выкапывал, а днем продавал клады. Это были золотые часы и цепочки, серебряные кресты и иконы, серьги и перстни, царские червонцы и снова коронки, которых Николай перестал бояться. Он жил по-прежнему скромно, тая свое богатство, за что, как ему казалось, был уважаем голосами.

Когда же он решился выкупить квартиру, которую снимал, стало известно, что дом определили под снос. Это было единственное обреченное на гибель строение в округе – появилось оно здесь раньше других и успело обветшать. Исторической ценности дом не представлял, и за него никто не вступился, кроме жителей, но, поскольку это были преимущественно пожилые женщины, слушать их не стали, а расселили доживать по новым районам.

Выход Николай тем не менее нашел. Договорился, что будет жить в доме до последнего. А когда все соседи съехали, нанял строительную бригаду, вооруженную перфораторами, и приказал, положив конверт с деньгами на голый пол, вырезать из кирпичной стены стелу полтора на полтора, погрузить в «Газель» и отвезти до срока на склад. Все было сделано, как он хотел, а через несколько дней дом отключили от коммуникаций и начали снос.

В своем новом жилище неподалеку от одного из подмос-

ковных шоссе Николай отвел под стелу целую комнату. Он обставил ее в японском стиле – задрапировал стены ширмами из рисовой бумаги, на полу постелил соломенные циновки, под потолком пустил алые фальшбалки, а в центре соорудил постамент из черного лакированного бруса. На него Николай водрузил выломанный кусок стены. Красный кирпич эффектно смотрелся на фоне белых ширм и черного лака. Также Николай заказал в ювелирной мастерской золотой стетоскоп. Поначалу он хотел сделать из листа чистого золота конус, наподобие того, через который он слушал стены в самом начале, но устройство стетоскопа показалось ему более интимным.

Когда все было готово, Николай сел, скрестив ноги, перед постаментом. Вложил в ушные раковины золотые оконечники трубок и прижал мембрану стетоскопа к кирпичам. Замер. Никаких звуков. Сердце упало, похолодели руки. Потом в глубине кирпича появился голос. Невнятный, тихий и слабый, он постепенно становился все громче, и через несколько минут стетоскоп уже начал улавливать и усиливать произносимые слова. Николай слушал очень внимательно.

– Короче, так, братан, берешь кружку железную, воды наливаешь и на огонь. Если огня нет, берешь тряпицу, сала там кусок, мажешь тряпицу салом – вот тебе фитиль. Жжешь его, на нем кружку греешь, пока вода не закипит. Когда закипела, сыпь туда два корабля чаю, лучше грузинского, а хотя один хрен, какой найдешь, и крышкой закрывай плотно.

Лучше еще в одеяло замотать, пусть там доходит. Двадцать минут пускай стоит. Потом достаешь, раскрываешь – все чайники осели, тогда через ситечко его цедишь, и можно пить. Если ситечка нет, переливаешь из кружки в кружку, пока чистый продукт не останется, и с рыбкой сушеной его, ай ништя-я-як...

На этом голос сошел на неразборчивое бормотание и больше в тот день ничего Николаю не говорил.

На следующий день все повторилось. Голос вновь рассказывал Николаю рецепт лагерного чифирия, а затем уходил в бормотание. То же самое было и на третий день, и на четвертый, и на пятый, и на шестой, и через месяц, а Николай все сидел и слушал, днем и ночью, пока окончательно не пропал.

Там, где недавно стоял дом в форме куба, идет стройка. Роют котлован, отъезжают грузовики с землей и битым кирпичом, в бытовках живут азиаты, местные жители недовольны и пишут жалобы. По ночам вокруг территории ходит сумасшедший, бомж. Он поднимает с земли осколки кирпичей, прижимает к голове, плачет. Иногда садится в углу под забором и жжет фитиль, на котором кипятит воду в закопченной кружке, – делает чифирий по старому лагерному рецепту. Как правило, наряд приезжает раньше, чем закипает вода. Местным ментам он хорошо знаком – его зовут Ко-

ля, он рассказывает всем, как жил здесь раньше, рассказывает про гигантскую воронку, про голоса из кирпичей, про несметные богатства, зарытые в московских парках и садах, плачет, менты лениво бьют его в участке за то, что он опять обоссал перевозку, утром отпускают. Он местный, давно живет в этом районе.

Босс-файт

Перед тем как выйти из переговорной, я привычно оглядываюсь на коллег: кто смотрит в окно, кто в ноут, кто поднял голову и пустым взглядом провожает меня – светлое пятно рубашки с зеленым разводом галстука – к двери.

Встреча идет уже полтора часа. Семеро из пятнадцати присутствующих мечтают только о том, чтобы отлить. Они ерзают на стульях и уже час как не выпили ни глотка воды. Один из них новенький в компании и всего боится, возможно, через пару часов он умрет от разрыва внутренних органов. Остальные шестеро работают здесь давно, но они тоже боятся – босса. Когда я поднимаюсь со стула, они стараются не смотреть на меня. Они меня ненавидят.

И они не догадываются, что настоящий босс – не в переговорной.

Сервер свободен. За долю секунды до того, как отразить первую атаку, успеваю повернуть ручку замка в кабине туалета. Неделию назад не успел – в середине поединка, когда у меня оставалось 35 % защиты, дверь в кабинку открылась и на поле битвы возникла уборщица.

Она не увидела блеска боевого топора и не услышала, как меч отбил атаку, продолжил движение и отсек сумеречному стражнику правую кисть, но неладное почуяла. С тех пор она меня избегает.

В игре я бы все равно скормил ее душу стражу ворот или обменял бы на камень, дающий плюс пять к обороне.

После этого случая я стал осторожнее, хотя иной раз время, которое я тратил на то, чтобы повернуть ручку замка, оборачивалось серьезным ранением.

Я подозреваю, что кроме меня в нашей конторе есть еще игрок, может быть, даже не один, – вероятно, однажды мы сойдемся в схватке, сидя в соседних кабинках. Я не хочу об этом думать. Я просто всегда закрываю дверь, а иногда, если предстоит схватка с боссом, включаю воду.

Цель игры проста – остаться в живых. Здесь нет никакого сюжета, история персонажей – это история битв, побед, смертей и перерождений, история набранных плюсов и скиллов. Это история таких, как я, история всех менеджеров мира. Она как будто придумана специально для нас, потому что в жизни менеджеров тоже нет никакого сюжета, это бессмысленное и хаотичное движение к бонусу, отпуску, обеду за счет клиента, сексу после новогоднего корпоратива. Я люблю игру за опасность, ощущение жизни, страх смерти, гомеопатическую дозу власти над другим существом. Мой любимый момент – финал схватки, когда противник повержен и мой аватар наносит серию ударов, заканчивающуюся декапитацией. Head shot! Особенно я люблю победу в схватке с боссом, вот как сейчас.

Убивать тех, кто сильнее тебя, хорошо для кармы. Для прокачки аватара. Просто для тщеславия, наконец. Я давно охотился за кем-то вроде него – мне понадобилось два месяца блужданий по подземельям и пустошам. С десятков встреч, семь презентаций и пять ланчей, которые я пропустил, – все это я видел в суровых взглядах моих дисциплинированных коллег. Но мне было все равно. Эта тварь была где-то рядом. Сегодня я встретил его – в офисном туалете, сбежав с очередного совещания, под шум льющейся из крана воды.

Я остался разочарован. Во-первых, ник Zorg. Его берет себе каждый пятый новичок. Во-вторых, судя по тому, как он дрался, своего бога сотого уровня он купил у китайцев. У него просто не было шансов, мне даже не пришлось использовать магию. Довольно быстро я нанес решающий удар, точный укол под ребро, он упал на одно колено и захрипел.

– Что, неважный денек, дружище? – набрал я в строке чата перед тем, как покрошить его в капусту. – Похоже, ты сейчас умрешь.

И поставил смайлик, вот такой::) ~

И покрошил.

Я вернулся в переговорную через семь минут. Совещание закончилось поздно, мы разошлись, когда большинство сотрудников уже отправились по домам. Проходя мимо дверей туалета, я почувствовал легкое покалывание в кончиках пальцев.

«Хороший день», – сказал я себе.

Первым, что я увидел в офисе на следующее утро, был траурный портрет на ресепшне. Завскладом, молодой еще человек, никто толком не знал, что произошло. Пока мы сидели вчера на совещании, ему стало плохо, в этот момент он находился в туалете и не смог сразу позвать на помощь. Сердечный приступ, острая недостаточность. Он смог выбраться из кабинки, но потерял сознание и упал в дверях. К приезду скорой он был уже мертв.

Конечно, это, скорее всего, просто совпадение. Никаких доказательств обратного. Разве что наслаждение, которое я получаю, убивая в игре, – оно слишком сильное, чтобы платить за него только зарядкой телефона. Оно давно проросло во мне, проникло под кожу и в кровь.

Несколько недель я пытался не играть. У меня даже получалось. Я продержался двадцать три дня.

То есть, как «продержался».

В начале четвертой недели я убил голубя. Растоптал ногами.

Я шел на работу. Утро не задалось: я проспал, пролил кофе, порезался, когда брился, от рубашки оторвалась пуговица, я торопился, босс ждал на встречу через полчаса, лифт не ехал вечно, и когда я наконец открыл дверь в тамбур подъезда, то услышал странный звук, похожий на тихое рычание. Краем глаза я уловил движение внизу и рефлекторно нанес удар ногой в направлении звука. Только потом я открыл внешнюю дверь подъезда и в свете раннего городского

утра увидел его. Голубь сидел в углу, умирая от орнитоза, а я уже сломал ему крыло, так что сбежать от меня он не мог. Грязный, со слипшимися перьями, он издавал последние в своей жизни звуки, и я чувствовал рядом его смерть.

Я прекратил топтать то, что от него оставалось, только когда на шум пришла консьержка. Мои туфли и брюки были в крови, перья летали по темному подъезду, как мертвый снег ночью в середине зимы, со стен текло. На встречу в тот день я опоздал.

В офисе первым делом я пошел в туалет и заперся в кабинке.

На меня шел голем 150 уровня. Я ждал с мечом наготове. Големы редко пользовались магией, и, когда я заподозрил неладное, было уже поздно. Парализующее заклинание. Боевой топор сверкал, разрушая мою защиту.

– Щекотно? – прилетело в чат, а я не мог даже ответить, потому что вместе со своим аватаром будто плыл в тяжелом масле.

Когда магия закончилась, от моей защиты осталось 10 %. Безнадежно.

Очень скоро я потерял контроль и начал хаотично размахивать мечом, уже понимая, что это жест отчаяния, но все еще надеясь хотя бы на везение.

Он нанес решающий удар, мой аватар рухнул, как если бы из него вынули скелет, я опустился на край унитаза и смотрел на строчку чата.

«ТЫ УВОЛЕН!»

Вот так, капслоком.

Затем голем поднял топор и раскрошил уже бесполезную фигурку в труху.

Я вышел из кабинки туалета через полчаса. Половина нервов в моем теле была как будто оборвана – кожа немела то там, то тут, и я не был уверен, что могу идти ровно. Я добрался до своего рабочего места, включил компьютер. В почтовом ящике десятка два новых писем, последнее от босса – из одной строчки.

«ТЫ УВОЛЕН».

Вот так, капслоком.

Я подумал тогда: где достать меч?

Два удара ножом в шею – лучший аргумент в разговоре со стражем врат. Никогда не мог понять смысл ограничений на продажу холодного оружия – в десятках магазинов по всему городу любой психопат может купить идеальный японский клинок под видом кулинарного ножа. Убивать просто.

Поднимаюсь на лифте. Обычно я хожу пешком – на самом деле человеку не нужно много тренироваться, чтобы быть в форме, двадцать минут ходьбы в день, лестницы вместо лифтов, немного отжиманий – все, что нужно. Выхожу из лифта и уворачиваюсь от удара. Делаю выпад на правую ногу и на низываю селезенку следующего стража на сабатье японской стали. Сабатье в другой руке как будто сам перерезает ему

горло. Я слышу крики и стоны тварей. Я ищу босса.

Кричат повсюду. Мне осталось пройти по длинному коридору, и там, в конце, за стеклянной стеной я найду того, кто мне нужен.

Навстречу выбегает человек, перекошенное от страха и отвращения лицо кажется мне знакомым – это новичок, который боялся выйти отлить. Он бросается на меня, расставив в стороны руки, – и останавливается с мокрым звуком, и сползает вниз, я слышу, как металл задевает о кость.

Ковролин чавкает кровью.

Я слышу топот и крики за моей спиной – они удаляются.

У меня есть еще время.

В конце коридора за стеклянной стеной сидит секретарша босса. Она кричит что-то в телефонную трубку, потом замечает меня.

Стеклянная стена и дверь не пропускают звук – я наблюдаю пантомиму ужаса по ту сторону.

Бью ногой в замок стеклянной двери несколько раз. Алюминиевая рама гнется и громко ударяет в стену.

Теперь я слышу крик.

Девушка лезет под стол, потом вылезает оттуда, швыряет в меня какую-то канцелярскую мелочь, ползет на коленях по ковролину и тянет ко мне руки.

Ничего личного. Один раз мы даже выпили с ней в баре неподалеку. У нее была яркая помада и багровые окурки в пепельнице.

Ковролин, кровь.

Осталась одна дверь – я знаю, кто меня ждет за ней, я поворачиваю ручку и вхожу.

Голем поднимает топор. Я уворачиваюсь. За моей спиной в щепки разлетается стеклянный стеллаж.

В коридоре слышен топот ног и приглушенные голоса по милицейской радиации.

Shitstorm

Артемов работал аудитором – ездил с проверками по предприятиям нефтегазовой отрасли. Иногда уезжал на неделю, иногда на две, иногда на день. Из-за частых командировок он эту работу и выбрал, и чем дальше посылали, тем было лучше, потому что больше всего в жизни Артемов любил летать.

В самолетах Артемову нравилось все – как пахло в салоне, как тяжелело тело во время взлета, как стихал, пугая чутких пассажиров, рев двигателей на высоте. Там, над облаками, он ощущал легкость и радость: отступали все болезни, похмелье, обиды и тревоги. Это было лучшее время в его жизни.

Иногда поездка занимала один день, и в течение суток Артемову удавалось подняться в воздух два раза. Такие дни он особенно любил.

Из Москвы в Тюмень лететь недолго – меньше трех часов. По пути туда Артемов успел сделать презентацию для регионального офиса, прочесть пятьдесят страниц новой книги и написать несколько писем.

Вечерний самолет в Москву был тот же, что и утром, – не первой молодости 737, и даже некоторые попутчики оказались теми же. Симпатичная блондинка в бизнес-классе, в черном платье и массивных браслетах на тонких запястьях, –

Артемов уже видел ее утром – и мужчина старше средних лет, плотный, ростом под два метра, плечистый и, судя по осанке, как будто военный, который сидел рядом с Артемовым. Мужчина явно боялся: когда попали в турбулентность, вцепился в подлокотники и не отпускал их до посадки.

В узкую щель шторы, отделявшей бизнес-класс от эконома, Артемову было видно кресло, в котором сидела блондинка. Она раскрыла ноут и что-то писала. Артемов тоже писал – составлял отчет о поездке – и закончил ровно к тому моменту, когда перед посадкой загорелось табло «Пристегнуть ремни».

Уже на земле почувствовал усталость и захотелось спать. Мужчина на соседнем кресле, наоборот, оживился – принялся звонить кому-то, поднялся из кресла, когда двери еще были закрыты, и нависал над Артемовым, пока не начали выпускать.

Залы прилета Артемов не любил. Грязь, запах пота и плохой еды, крики и плач детей, а особенно неприятен ему был тусклый свет. Каждый раз Артемов старался поскорее выйти наружу, прорвавшись через толпу таксистов. В этот раз все сделал так же – выбежал из здания терминала, спрыгнул с пандуса и вскочил в первую же машину. Назвал адрес, сумму – водитель кивнул, и они поехали.

Если по дороге в аэропорт Артемов всякий раз испытывал радостное предвкушение, то на обратном пути как будто увеличивалась сила притяжения. Окружающая действитель-

ность становилась грубее и посконнее, исчезало волшебство, и вместо рекламных щитов с пожеланиями счастливого пути вдоль придорожного леса мелькала реклама дератизаторов, ассенизаторов и копателей колодцев. Чем дальше ехали, тем мрачнее делался Артемов, и что едут они уже не по шоссе, а по какой-то другой дороге, он заметил не сразу.

Он подумал, что это какой-то хитрый объезд пробки перед МКАДом, известный только таксистам, когда машина резко остановилась, а из темноты в салон втиснулся кто-то тяжелый и быстрый: Артемов не успел даже руки вытянуть в его сторону. Удар в челюсть, вспышка, ничего.

Он очнулся на земле. Сбоку бил яркий ксеноновый свет. Попробовал повернуться и встать, но оказался связан по рукам и ногам. Хотел закричать – и, как в кошмаре, не смог раскрыть рот, заклеенный скотчем. Увидел колеса машины, чьи-то ноги в армейских ботинках, потом услышал шаги, и вот его перевернули на спину. Над ним, огромный и широкий, стоял недавний попутчик, теперь он держал в руке пистолет и направлял его на Артемова, Артемов видел черную дырку ствола.

– Долетался, сука, – почти ласково сказал мужчина.

Артемов замычал, засучил связанными ногами, а потом мужчина скривился, схватил себя свободной рукой за шею и начал падать – на Артемова, все еще держа в руке пистолет, потом снова была темнота.

Потом он очнулся во второй раз. Мягкая светлая кожа

под щекой. Приятный приглушенный свет. Любимый с детства запах воздуха из рециркуляционной системы. Ровный гул турбин. Легкость и ощущение счастья. Артемов поднял голову – едва ощутимо кольнуло в шее. Посмотрел на руки – красные полосы поперек чуть опухших запястий. Повернулся к иллюминатору – в соседнем кресле сидела блондинка с массивными браслетами на запястьях, на откидном столике перед ней стоял «эйр» и высокий узкий бокал. От «эйра» тянулся белый провод наушников – она писала что-то и слушала. Потом повернулась к Артемову.

– Ну привет, – улыбнулась, вынимая капельки наушников, закрыла ноут. – Выпьешь чего-нибудь?

Из всего, что Артемов услышал за следующие три часа, легче всего ему было поверить в то, что их самолет полностью невидим для радаров.

В остальном было так. Две враждующие расы неземного происхождения, которые оказались на Земле больше трех тысяч лет назад, не смогли отсюда улететь. Корабли сломались и сгнили где-то в бассейне Амазонки. Для одних – для простоты женщина называла их эльфами – притяжение Земли было слишком слабым по сравнению с родной планетой. Для других – она называла их гномами – наоборот, слишком сильным, гнетущим. И для тех, и для других жизнь на Земле была сплошным мучением. Между собой две расы не скрещивались, зато с людьми – очень даже, и, по мере того как происходило смешение и адаптация, чистых эльфов или гно-

мов на планете становилось все меньше, но, несмотря на это, вражда между расами не утихала. Потомки первых пришельцев по-прежнему убивали друг друга.

И те, и другие устроились, в общем, неплохо. Легковесные воздушные эльфы изобрели авиацию, придумали небоскребы и полетели в ближний космос. Тяжелые тугодумы гномы зарывались в толщу планеты: копали уголь, качали нефть и газ, строили метро, опускались на дно океана, обживали катакомбы и бункеры.

Война между расами становилась все изощреннее. Непосвященные смотрели новости об упавших самолетах и заваленных шахтах, а тайные правители мира ставили отметки на картах боевых действий и отсылали донесения в штабы. Когда одна раса создавала что-то новое, другая раса быстро находила в этом новом уязвимое место.

Эльфы построили «Конкорд». Гномы запустили нефтяной кризис 1973 года, и «Конкорд» прогорел.

Эльфы гордились своими небоскребами. Гномы устроили 9/11. Эльфы в ответ применили в Афганистане пещерные бомбы.

Боевые дроны и F-15 несколько лет жарили гномов в их подземных жилищах на Ближнем Востоке – преимущественно в нефтяных регионах или где-то совсем близко.

Сбитый в 2014 году в Донбассе пассажирский «Боинг» поднял планку на новую высоту: гномы вылезли из своих нор. Эльфы бомбили их подручным оружием – украинской

фронтовой авиацией.

– А донецкий аэропорт? – восклицала блондинка, звеня массивными браслетами. – Это даже звучит смешно – донецкий аэропорт! Это... это как женский член!

Она рассказала еще много всего – про вторую мировую, про бункер Гитлера, про пещеры бен Ладена, про японских летчиков-камикадзе. У Артемова от услышанного шумело в голове.

– Я вот про Украину хотел спросить, – осторожно начал он. – Эта песня вот, знаете? Воины света – это про вас? В смысле, про нас?

– Все, что происходит в Украине, – назидательно ответила женщина, – это все про нас. Что там добывают, в Донбассе? Уголь? Ты сам можешь представить себя в шахте? А видел когда-нибудь шахтеров в аэропорту?

Артемов видел. С десятков мужиков с темными лицами мрачно ожидали рейса. Они выпили почти весь алкоголь в дьюти-фри, и Артемов не удивился бы, начни они пить духи, которые тоже накупили в изобилии в этом же дьюти-фри. В оранжево-черных ленточках, привязанных к дерматиновым сумкам, ему виделись отблески подземного пламени на антрацитовых пластах.

– А меня они как нашли?

– Технически это несложно. Они следят. Получают доступ к базам постоянных клиентов авиакомпаний, присматриваются, наблюдают. Убирают по одному.

– А нас много?

– Слышал, как говорят: «Живу в самолете»? Сам, наверное, так говоришь иногда?

Артемов кивнул.

– Теперь будешь осторожнее, – она засмеялась. – Точно никто не знает, сколько нас. Но много, очень много. Хороший фильм был «Их позвало небо». Кого сегодня зовет небо? Политиков, бизнесменов, артистов, журналистов, моделей. Многие не догадываются, кто-то знает, остальные узнают, когда придет время.

– И что мне теперь делать? – Артемов совсем смутился, когда услышал про моделей, не дожидаясь ответа, спросил: – Вы же в курсе, где я работаю, да?

Блондинка довольно улыбнулась.

– Именно поэтому ты и здесь. Потому что мы в курсе, где ты работаешь. Они тебя нашли, потому что не хотели, чтобы тебя нашли мы. Я тебе кое-что покажу.

Она открыла «эйр» и повернула экран к Артемову. На экране была карта мира, раскрашенная в два цвета – ярко-голубой и темно-коричневый. Территория бывшего СССР была сплошь покрыта коричневым, и только Украина с Прибалтикой – голубым, как западная Европа и США. Другие континенты были закрашены перемежающимися диагональными полосами. Присмотревшись, Артемов увидел, что карта изменялась, – голубые и коричневые пятна меняли форму и размер, иногда крошечный, как булавочный укол, голу-

бой огонек загорался на коричневом фоне. Некоторые сразу гасли, некоторые продолжали светиться. Маленькие коричневые пятнышки тоже периодически возникали на голубом поле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.